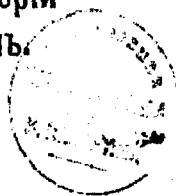

Къ вопросу о торговых сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.

95174-93

Ходатайство объ уменшеніи существующихъ и установленіи новыхъ финляндскихъ пошлинъ подкрѣпляется тремя аргументами: 1) привилегированнымъ строемъ финляндскаго управленія; 2) возможностью провоза черезъ Финляндію контрабанднымъ способомъ тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые обложены въ Россіи пошлиною, и 3) сравнительною дешевизною финляндскаго производства, вслѣдствіе безпошлиннаго полученія машинъ и разнаго сырья изъ-заграницы, дешевизны водяной силы, древесной массы и т. д.

Цѣль настоящей записки — представить всесторонній и безпристрастный разборъ этихъ аргументовъ на основаніи официальныхъ данныхъ и строго проверенныхъ указаній опыта почерпнутыхъ изъ долготѣхнхъ торгово-промышленныхъ отношеній Россіи и Финляндіи.

Пошлины на товары во всѣхъ странахъ устанавливаются или съ чисто-фискальною цѣлью, или съ цѣлю подаятія отечественной промышленности и доставленія потребителямъ дешевыхъ туземныхъ продуктовъ, вмѣсто дорогихъ иностранныхъ. При установленіи пошлинъ никакое правительство не останавливается на вопросѣ о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть наложеніе пошлины на данные товары для той страны, изъ которой они привозятся. Скажемъ болѣе. Весьма часто установленіемъ пошлинъ имѣется даже прямо въ виду ослабить экономическое благосостояніе сосѣдней страны. Такова, напримѣръ, безъ сомнѣнія, вся современная таможенная политика князя Бисмарка.

Само собою разумѣется, что подобныя государственныя соображенія не могутъ имѣть мѣста въ торговыхъ отношеніяхъ между Россіею и Финляндіею? Въ вопросѣ о наложеніи пошлинъ на финляндскія произведенія мы имѣемъ дѣло съ *собственною* страной, съ частью нашего государственнаго организма. Можемъ-ли мы и, что еще важнѣе, имѣемъ ли мы нравственное или юридическое право смотрѣть на нее, какъ на страну, о благосостояніи которой мы не обязаны заботиться въ такой-же мѣрѣ, какъ о благосостояніи всей остальной Россіи? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ отношеніи, смѣемъ думать, не можетъ быть двухъ мнѣній потому, что всякій иной взглядъ на Финляндію, какъ часть нашего государства, привелъ-бы насъ къ политическому абсурду. Разъ мы желаемъ и должны считать Финляндію нашею собственностью, мы обязаны обходиться съ ея жителями, какъ съ нашими *равноправными подданными*. Поэтому жертвовать экономическими интересами Финляндіи и низводить ея экономическіе успѣхи къ нулю ради благополучія нѣсколькихъ русскихъ фабрикатовъ не представляется ни малѣйшихъ основаній. Какіе-бы счеты ни были между нашими производителями и финляндскими (а эти счеты, какъ извѣстно, всегда

были чисто эгоистическаго, не государственнаго свойства), государство не может въ нихъ выѣшиваться.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно было-бы, если-бы правительству рекомендовались репрессивныя мѣры по отношенію къ какой-либо губерніи, въ виду ея экономическихъ успѣховъ на счетъ одной или нѣсколькихъ соедѣянныхъ губерній? Если хотя на одну минуту допустить возможность такой нелѣпости, то едва-ли не всю Россію пришлось бы огораживать стѣнкой Москвы, которая, несомнѣнно, живетъ, спекулируетъ и обогащается на ея счетъ. Чѣмъ, напримѣръ, Тверь, Курскъ и проч. хуже Москвы? Условія экономическаго прогресса въ этихъ губерніяхъ почти одинаковыя съ московскими и гегемонія Москвы — совершенно случайное явленіе. Если-бы Тверь, Курскъ и проч. обладали такимъ-же «пменитымъ купечествомъ», какъ Москва, и такимъ-же безграничнымъ банковскимъ кредитомъ, какимъ пользуется это купечество, то они могли-бы смѣло конкурировать съ нею и, быть можетъ, занять такое-же выдающееся мѣсто въ экономической жизни страны. Слѣдуетъ-ли отсюда, что Тверь и Курскъ могутъ требовать *ограниченія*, въ ихъ пользу, экономическихъ успѣховъ Москвы посредствомъ таможенной черты? Но, положимъ, Москва, Курскъ, Тверь, такъ сказать, ядро Россіи съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Возьмемъ Остзейскій край, Царство Польское и Кавказъ. Почему-же подобное требованіе не предъявляется къ этимъ окраинамъ, населеннымъ, по преимуществу, не русскими? Остзейскій

арство Польское, гдѣ фабричная промышленность въ Лодзи, получила большое развитіе, сама ощутительную конкуренцію даже съ спрашивается, никто не требуетъ установленія обложенія пошлинами произведеній нѣмцевъ? Оттого, что это было-бы явнымъ абсурдомъ, и въ специально-торговомъ законодательствѣ давно и пронеслась курьезная молва о московскомъ купечествѣ уступивъ Германіи въ томъ, что, превративъ русскихъ въ нѣмцевъ, съ ними можно было-бы повести соежду тѣмъ, какъ только дѣло заходитъ о немедленно измѣняются. Тѣ-же русскіе, если-бы имъ предложили ограниченіе Остзейскаго края или Царства Польскаго, не смѣли-бы разсуждать объ умѣстности такого , совершенно забывая о томъ, что Финляндія, такая-же часть нашего отечества, Царство Польское.

Откуда происходитъ это противорѣчіе, создающее такую путаницу въ понятіяхъ и заставляющее смотрѣть разными глазами на однородные предметы?

Единственнымъ оправданіемъ несправедливыхъ нападокъ на Финляндію выставляется, обыкновенно, политическая организація страны. Но искусственность этого аргумента слишкомъ очевидна, чтобы онъ могъ выдержать самую снисходительную критику.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что политическая организація, дарованная финляндцамъ Верховною Властью, не исключаетъ ихъ безусловнаго подданства Россіи; во-вторыхъ, какъ подданные, они несутъ всѣ общегосударственныя повинности, наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ отдѣльныя группы кореннаго населенія, такъ какъ содержатъ на свой счетъ часть войскъ, всѣ свои учрежденія, учебныя заведенія и т. д. Поэтому, съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣли нѣсколько русскихъ фабрикантовъ на политическія отношенія Финляндіи къ Россіи, послѣднія имѣютъ чисто государственный характеръ и не исключаютъ обязан-

ностей и заботъ нашихъ по отношенію къ финляндцамъ, какъ подданнымъ Россіи.

Разсматривая положеніе Финляндіи среди другихъ частей нашей Имперіи, мы, несомнѣнно, должны будемъ признать, что оно представляется наименѣе обеспеченнымъ въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Напримѣръ, въ случаѣ войны между Россіею и Англіею или Германіею, при блокадѣ балтійскихъ портовъ, Финляндія, безъ сомнѣнія, станеть первою ея жертвою, и все ея экономическое благосостояніе рухнетъ въ нѣсколько недѣль. Кто-же, спрашивается, вознаградитъ ее тогда за всѣ понесенныя ею страшныя потери?.. Вопросъ этотъ остается открытымъ. Финляндія—наша собственность, Финляндія часть нашего цѣлаго и, поэтому, мы всѣми силами должны заботиться о томъ, чтобы этотъ членъ государственнаго организма былъ здоровый. Путемъ заставъ, таможенныхъ чертъ и, вообще, изоляціи достигнуть этого невозможно. Ограждая себя отъ Финляндіи, никакого ущерба нашей промышленности не наносящей,—что мы постараемся доказать неопровержимыми цифрами,—мы рискуемъ въ будущемъ создать себѣ такую-же обузу, какою представляютъ для насъ нынѣ, напримѣръ, Кавказъ и нѣкоторые другія окраины, экономическое положеніе которыхъ, несмотря на ихъ естественныя богатства, крайне печально и служить для насъ источникомъ не обогащенія, а лишь тяжкихъ жертвъ. Раззорить Финляндію, конечно, не мудреное и не хитрое дѣло. Особаго искусства для этого не требуется. Путь запретительныхъ пошлинъ, объ установленіи которыхъ такъ сильно хлопочуть нѣкоторые русскіе фабриканты, самый вѣрный въ этомъ отношеніи. Но, обогащая теперь нѣсколькихъ петербургскихъ или московскихъ фабрикантовъ, и безъ того собирающихъ обильную жатву, не придется-ли намъ въ будущемъ за каждый попавшій въ ихъ карманъ лишній рубль расплачиваться ежегодно сотнями и тысячами рублей на содержаніе обѣдѣвшей страны? Объ этомъ не мѣшаетъ подумать раньше, чѣмъ дѣлать рѣшительный шагъ въ извѣстномъ направленіи, какъ-бы въ отместку за, такъ называемыя, финляндскія «привилегіи».

Эти привилегіи тутъ не причемъ. Допустимъ даже на мигъ, что онѣ теперь представляются уже полнѣйшимъ анахронизмомъ. Все-таки, мы не въ правѣ забывать того, что онѣ установлены Высочайшею волею въ силу извѣстныхъ историческихъ отношеній Финляндіи къ Россіи, что вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи этихъ привилегій не можетъ быть предметомъ сужденій двухъ-трехъ фабрикантовъ и, что вообще, не дѣло фабрикантовъ заниматься рѣшеніемъ общегосударственныхъ вопросовъ, а тѣмъ болѣе—съ своей специально-заводской точки зрѣнія. Необходимо разъ навсегда установить положеніе, что вопросъ о характерѣ мѣстнаго управленія, дарованнаго присоединеннымъ народамъ во вниманіе къ ихъ историческимъ традиціямъ и національной культурѣ или въ силу международныхъ договоровъ, не имѣетъ ничего общаго съ экономическимъ положеніемъ заинтересованныхъ сторонъ. Вопросъ этотъ долженъ быть обсуждаемъ самостоятельно и съ чисто-государственной точки зрѣнія, а не съ общей экономической или специально-заводской. Отъ смѣшенія этихъ разнородныхъ вопросовъ и происходитъ замѣчающаяся путаница въ понятіяхъ и совершенно ложное представленіе о дѣлѣ. Всѣ толкуютъ о привилегіяхъ, но никто не старается уяснить себѣ ихъ сущности и происхожденія. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, назвать привилегіей то самоуправленіе, которымъ пользуется Финляндія въ силу своихъ историческихъ и бытовыхъ условий! Если организція мѣстнаго управленія въ этомъ Великомъ Княжествѣ вполне отвѣчаетъ исторически сложившимся потребностямъ его населенія, то это ничего, кромѣ пользы, приноситъ намъ не можетъ. Однимъ благоустроеннымъ уголкомъ больше—что-же въ этомъ дурного? Наконецъ, развѣ различіе